

Карл Густав Юнг

Концепция коллективного бессознательного

Вероятно, ни одна из моих эмпирических концепций не сталкивалась с таким глубоким непониманием, как идея коллективного бессознательного. Ниже я попытаюсь дать: (1) определение этой концепции, (2) описание ее значения для психологии, (3) объяснение метода доказательства и (4) пример.

1. Определение

Коллективное бессознательное представляет собой часть психики, которую в терминах отрицания можно отличить от личностного бессознательного по тому факту, что первое не обязано своим существованием, в отличие от последнего, личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением. Если личностное бессознательное состоит в основном из элементов, которые одно время осознавались, но впоследствии исчезли из сознания в результате забывания или подавления, то элементы коллективного бессознательного никогда не были в сознании и, следовательно, никогда не обретались индивидуально, а своим существованием обязаны исключительно наследственности. Личностное бессознательное состоит главным образом из комплексов, тогда как содержание коллективного бессознательного составляют в основном архетипы.

Понятие архетипа, которое является неотъемлемым коррелятом идеи коллективного бессознательного, указывает на существование определенных форм психики, которые, как видится, присутствуют всегда и везде. В мифологических исследованиях их называют "мотивами"; в психологии первобытных людей они соответствуют концепции Леви-Брюля о "коллективных представлениях", а в области сравнительной религии они были определены Губертом и Мауссом как "категории воображения". Адольф Бастиан давно уже называл их "элементарными" или "первичными мыслями".

Приведенные ссылки призваны продемонстрировать, что моя идея об архетипе (буквальное значение — предсуществующая форма) не стоит особняком, а является чем-то признанным и встречающимся в других областях знания.

Итак, мой тезис заключается в следующем: помимо нашего непосредственного сознания, которое носит целиком личностный характер и которое мы считаем единственной эмпирической психикой (даже если рассматривать личностное бессознательное как приложение), существует вторая психическая система коллективного, универсального и безличного характера, идентичная у всех индивидов. Это коллективное бессознательное не

развивается индивидуально, а наследуется. Оно состоит из предсуществующих форм — архетипов, которые могут стать лишь вторично осознанными и которые задают форму элементов психического содержимого.

2. Психологическое значение коллективного бессознательного

Медицинская психология, выросшая из профессиональной врачебной практики, настаивает на личностном характере психики. Здесь я имею в виду воззрения Фрейда и Адлера. Это психология личности и ее этиологические или причинные факторы рассматриваются почти полностью как личностные по своей природе. Тем не менее, даже эта психология основана на определенных всеобщих биологических факторах, например, половом инстинкте или потребности в самоутверждении, которые ни в коей мере не являются чисто индивидуальными особенностями. Она вынуждена делать это, потому что претендует на роль науки, объясняющей явления.

Ни одно из этих представлений не отрицает существования априорных инстинктов, общих для человека и животных, или что они оказывают важное влияние на психологию личности. Однако инстинкты являются безличностными, повсеместно распространенными факторами динамического или мотивационного характера, которые настолько часто не воспринимаются сознанием вовсе, что перед современной психотерапией стоит задача помочь пациенту в их осознании.

Более того, инстинкты по своей природе являются не расплывчатыми и неопределенными, а особым образом оформившимися мотивационными силами, которые преследуют свои собственные цели задолго до какого-либо осознания, а затем независимо от степени осознания. Следовательно, они образуют очень близкий аналог архетипам — настолько близкий, что дают весомые основания предположить, что архетипы суть неосознанные образы самих инстинктов или, другими словами, что они являются моделями инстинктивного поведения.

Таким образом, гипотеза коллективного бессознательного является не более смелой, чем допущение существования инстинктов. Обычно люди готовы допустить, что человеческая деятельность весьма подвержена влиянию инстинктов совершенно независимо от рациональных мотиваций сознающего разума.

Если же предположить, что наше воображение, восприятие и мышление в равной мере подвержены влиянию врожденных и универсально существующих элементов, то при вдумчивом рассмотрении, я полагаю, в этом предположении можно усмотреть не более мистицизма, чем в теории инстинктов. Хотя мою концепцию не раз упрекали в мистицизме, я должен еще раз подчеркнуть, что концепция коллективного бессознательного является не умозрительной, не философской, а чисто эмпирической. Сущность данного вопроса проста — существуют или не существуют подобные бессознательные универсальные формы? Если они существуют, тогда имеется область психики, которую можно назвать коллективным бессознательным.

Правда, определить коллективное бессознательное не всегда просто. Недостаточно указать на зачастую очевидный архетипический характер проявлений бессознательного, ибо они могут быть обязаны своим возникновением обретениям языка и образования. При этом должна быть исключена криптомнезия, что в некоторых случаях почти невозможно.

Несмотря на все эти трудности, имеется немало примеров, иллюстрирующих аутохтонное возрождение мифологических мотивов, что выводит данную проблему за рамки рациональных сомнений. Но если бессознательное существует, то психология обязана принимать его в расчет и подвергать более острой критике этиологические теории, целиком опирающиеся на личность.

Мою мысль лучше всего пояснить на конкретном примере. Читатель, наверное, знаком с анализом Фрейда картины Леонардо да Винчи "Святая Анна с Девой Марией и Христом". Фрейд интерпретирует эту знаменитую картину исходя из того факта, что у самого Леонардо было две матери. Причинная связь в данном случае имеет личный характер. Мы не будем останавливаться на том факте, что картина эта далеко не уникальна, да и Святая Анна приходилась Христу бабушкой, а не матерью, чего требует фрейдовская трактовка.

Отметим лишь, что очевидно личностный фактор здесь переплетается с безличностным мотивом, хорошо известным и в других областях. Речь идет о мотиве двойной матери — архетипе, встречающемся во многих вариантах в мифологии и религии, и составляющего основу многих "коллективных представлений". Необходимо остановиться и на мотиве двойного происхождения, то есть происхождения от человеческих и божественных родителей, как в случае с Гераклом, обретшим бессмертие благодаря усыновлению Герой. То, что было мифом в Древней Греции стало, в сущности, ритуалом в Древнем Египте: по своему происхождению фараон был и человеком, и божеством. На стенах родильных палат храмов египетских фараонов сохранились фрески тех времен, изображающие святое зачатие и рождение. Из них следует, что фараон рождался дважды.

Именно эта идея лежит в основе всех таинств рождения, включая и христианство. Сам Христос является "дважды рожденным": через крещение в Иордане он был воскрешен и вновь рожден из "воды и духа". Вот почему в католической литургии купель символизирует "лоно церкви", и именно так она именуется по сей день в современном католическом воспевании "Благословении купели", которое мы слышим в святую субботу перед Пасхой. Более того, согласно раннехристианским и гностическим представлениям, дух, явившийся в виде голубя, толковался как София-Сапиенция — Мудрость и мать Христова. Благодаря этому мотиву двойного рождения у детей есть теперь крестные отцы и матери, вместо добрых или злых фей, которые при рождении магически признавали их "своими" с помощью благословений или проклятий.

Идея о втором рождении встречается повсюду и в любые времена. При зарождении медицины она была магическим средством исцеления; в крупнейших религиях — основным мистическим опытом; основополагающей идеей средневековой оккультной философии. Наконец, она появляется в форме детских фантазий у многих детей, считающих, что их

родители — не настоящие, а приемные. Бенвенуто Челлини рассказывает в своей биографии, что в детстве думал точно так же.

В настоящее время не может быть и речи о том, что люди, которые верят в двойное происхождение, на самом деле всегда имеют двух матерей, или, напротив, что люди, разделившие судьбу Леонардо да Винчи, заразили человечество своим комплексом. Скорее мы согласимся с предположением, что повсеместное явление мотива двойного рождения наряду с фантазиями о двух матерях, отвечает насущной человеческой потребности, которая и отражается в этих мотивах.

Если Леонардо да Винчи действительно изобразил на картине своих двух матерей в образах Святой Анны и Марии, что вызывает у меня большие сомнения, то он, в таком случае, изображал лишь нечто, во что верили миллионы людей до и после него.

Символ грифа, также рассмотренный Фрейдом в упомянутой работе, добавляет правдоподобия этой точке зрения. В одном из объяснений Фрейд ссылается на источник символа — книгу Горуполло "Иероглифика", которая была широко распространена во времена Леонардо. В ней сообщалось, что грифы бывают только женского рода и символизируют материнское начало. Зачинают они от ветра (пневмы) — это слово приобрело значение "духа" главным образом под воздействием христианства. Даже во времена описания чуда в день Святой Троицы слово "пневма" все еще имело двойное значение — ветра и духа.

С моей точки зрения, этот факт прямым образом подводит нас к мысли о Марии, бывшей девственной по природе и зачавшей от пневмы, подобно грифу. Более того, согласно Горуполло, гриф также символизирует Афину, выпрыгнувшую прямо из головы Зевса без мучительных родов. Она была девственна и знала лишь духовное материнство. Все это — иносказание о Марии и мотиве воскресения. Нет и намек на то, что Леонардо хотел выразить своей картиной нечто иное. Если и предположить, что он отождествлял себя с Христом-ребенком, то, скорее всего, он выражал мифологический мотив двойной матери, но не свою личную ситуацию. А взять многих других художников, которых вдохновляла эта же тема? Очевидно, далеко не у каждого из них было две матери.

Давайте рассмотрим случай Леонардо с точки зрения невроза и допустим, что пациент с материнским комплексом страдает от заблуждения, что причина его невроза заключается в том, что он действительно имел двух матерей. С частной точки зрения можно было бы признать, что он прав, и, тем не менее, это совершенно не так. Ибо в действительности причиной его невроза была бы реактивация архетипа двойной матери, причем независимо от того, имел ли он одну мать или две. Ведь, как мы уже увидели, этот архетип действует индивидуально и в историческом плане не имеет какой-либо связи с редкими случаями двойного материнства.

Удовлетвориться таким простым и чисто личным объяснением было бы в данном случае весьма заманчиво, однако, эта гипотеза является не только неточной, но и абсолютно

неверной. Конечно, врачу, имеющему только медицинскую подготовку и первый раз слышащему о мотиве двойной матери, трудно понять, как этот мотив мог обладать настолько большой силой, чтобы вызвать эффект травматического состояния. Если рассмотреть огромные силы, скрытые в мифологической и религиозной сфере человека, этиологическое значение архетипа покажется менее фантастическим. Во многих случаях невроза причина расстройства заключается в недостатке взаимодействия этих движущих сил в психической жизни пациента.

Тем не менее, личностная психология, сводящая все только к личностным проблемам, лучше всего использует свои наработки для отрицания существования архетипических мотивов, и даже пытается их уничтожить посредством личностного психоанализа. Я рассматриваю это как довольно опасную тенденцию, которую невозможно оправдать с медицинской точки зрения. Сегодня намного лучше, чем двадцать лет назад, видна природа задействованных сил. Мы являемся свидетелями того, как целая нация возрождает старинную символику, древние религиозные ритуалы, и того, как эти массовые настроения катастрофическим образом влияют на жизнь отдельно взятой личности, "революционизируя" ее (Имеется в виду, конечно, гитлеровская Германия. — Авт.). И сегодня человек прошлого жив в нас в такой степени, какая нам и не снилась до войны; ведь, в конечном счете, в чем заключается судьба великих народов, как не в суммарном результате индивидуальных психических перемен?

Когда невроз является лишь частной проблемой, корни которой упираются исключительно в индивидуальные причины, архетипы в данном случае не играют никакой роли. Но если проблема заключается во всеобщей несовместимости или других опасных обстоятельствах, ведущих к появлению невроза у сравнительного большого числа индивидов, возникает предположение о действии архетипических созвездий.

Поскольку в большинстве своем неврозы являются не просто предметом личной озабоченности, а социальным феноменом, приходится допустить, что и в данном случае действуют созвездия архетипов. Активизируется соответствующий ситуации архетип, и наружу вырываются скрытые в нем разрушительные и опасные силы, что порой ведет к непредсказуемым последствиям.

Люди, ставшие жертвой воздействия архетипа, способны на любое безумие. Если бы тридцать лет назад кто-нибудь осмелился предсказать, что наше психологическое развитие направлено к возрождению средневековых преследований евреев, что Европа вновь содрогнется перед римскими фасциями и поступью легионов, что люди вновь будут отдавать честь по римскому обычаю, как два тысячелетия тому назад, и что архаическая свастика вместо христианского креста будет увлекать вперед миллионы воинов, готовых на смерть, — такой человек был бы освистан как несостоявшийся мистик.

Что же происходит сегодня? Как это ни удивительно, но весь этот абсурд является страшной действительностью. Частная жизнь, частная этиология и сугубо индивидуальный невроз превратились почти в фикцию в современном мире. Человек прошлого, живший в мире архаических "коллективных представлений", возродился вновь в самой видимой и болезненной реальности, причем произошло это вовсе не среди кучки неуравновешенных

индивидов, а среди миллионов людей.

Архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций в жизни. Бесконечное повторение запечатлело эти опыты в нашей психической системе не в форме образов, наполненных содержанием, а вначале лишь в формах без содержания, представляющих просто возможность определенного типа восприятия и действия.

При возникновении ситуации, соответствующей данному архетипу, он активизируется и появляется побуждение, которое, как и инстинктивное влечение, прокладывает себе путь вопреки всем доводам и воле, либо приводит к конфликту патологических размеров, то есть к неврозу.

3. Метод доказательства

Теперь мы вернемся к вопросу о том, как можно доказать существование архетипов. Поскольку архетипы имеют тенденцию создавать определенные психические формы, мы должны рассмотреть, каким образом и где можно получить данные демонстрирующие эти формы. Основным источником такой информации являются сновидения, которые обладают тем преимуществом, что, будучи непроизвольными, спонтанными творениями бессознательной психики, представляют, следовательно, явления природы в чистом виде, не фальсифицированные с какой-либо сознательной целью.

Задавая вопросы пациенту, можно установить, какой из мотивов, появляющихся в сновидений, известен ему. Из тех мотивов, которые не известны ему, мы должны, естественно, исключить те, что могли быть ему известны; например, возвращаясь к упомянутому случаю Леонардо — символ грифа. Нам не известно точно, заимствовал ли Леонардо этот символ у Гораполло, хотя это было вполне возможно для образованного человека того времени — в те дни художники отличались широкими знаниями гуманитарных наук. Отсюда, несмотря на то, что мотив этой птицы является самым что ни на есть типичным архетипом, его существование в фантазии Леонардо еще ничего не доказывает. В этой связи необходимо найти такие мотивы, которые никак не могли быть известны сновидящему и, тем не менее, действуют в его сновидении таким образом, что совпадают с действием архетипа, известного из исторических источников.

Другим источником необходимого нам материала может служить "активное воображение", под которым я подразумеваю последовательность фантазий, вызванных намеренной концентрацией. Я установил, что наличие нереализованных, неосознанных фантазий, увеличивает частоту и интенсивность сновидений, при осознании фантазий, сновидения меняют свой характер, становятся слабее и появляются реже.

Из этого я сделал вывод, что сновидения часто содержат фантазии, которые стремятся стать осознанными. Источниками сновидений часто являются подавленные инстинкты, которые имеют естественную тенденцию оказывать влияние на сознающий разум. В таких случаях

пациенту просто дается задание обдумать любой фрагмент фантазии, который кажется значимым для него — может быть, случайную идею или нечто осознанное во время сна — до тех пор, пока ее контекст, иными словами, ассоциативный материал, в котором воплощен фрагмент, не станет видимым. Это не относится к методу "свободных ассоциаций", рекомендованному Фрейдом для анализа сновидений, а является методом разработки фантазии путем наблюдения за последующим развитием фантазии, которое дополняет фрагмент сна естественным путем.

Я не планирую вступать в дискуссию о технике этого метода в этой статье. Достаточно сказать, что получающаяся в итоге последовательность фантазий открывает бессознательное и раскрепощает материал, богатый архетипическими образами и ассоциациями. Очевидно, что этот метод может быть использован лишь в тщательно отобранных случаях. Он не совсем безопасен, так как может увести пациента слишком далеко от реальности. Поэтому вполне уместным будет предупредить о нежелательных последствиях при его необдуманном применении.

Наконец, очень интересные источники архетипических материалов могут быть обнаружены в заблуждениях параноиков, фантазиях, наблюдаемых в состоянии транса и сновидениях раннего детства: с трех до пяти лет.

Такой материал имеется в избытке, но он не будет иметь ценности, если исследователь не сможет найти убедительные мифологические параллели. Естественно, что недостаточно просто увязать сновидение о змее с соответствующим мифологическим примером, так как никто не может гарантировать, что функциональное значение змеи в сновидении является тем же, что и в мифе. Для того, чтобы провести обоснованную параллель, необходимо определить функциональный смысл индивидуального символа, а затем выяснить, имеет ли внешне параллельный мифологический символ одинаковый контекст и, следовательно, одинаковое функциональное значение. Установление таких фактов требует длительных и трудоемких исследований, кроме того, их демонстрация является неблагоприятным занятием.

Чтобы символы не были оторваны от их контекста, необходимо дать исчерпывающие описания как личностного, так и символического характера, что практически невозможно в рамках лекции. Я неоднократно пытался делать это, рискуя усыпить половину своей аудитории.

4. Пример

Пациент, мужчина тридцати с чем-то лет, страдал от параноидной формы шизофрении. Заболел он, когда ему было двадцать с небольшим. В нем всегда странным образом перемешивались интеллект, упрямство и фантастические идеи. Работал он обычным клерком при консульстве. В качестве очевидной компенсации за его весьма скромный образ жизни у него развилась мегаломания: он считал себя Спасителем. Зачастую его беспокоили галлюцинации, приводя иногда к серьезным расстройствам. В периоды затишья ему позволялось самостоятельно прогуливаться по коридору больницы. Однажды я увидел его

там, глазающим, мигая, на солнце из окна и при этом совершающим странные движения головой. Он взял меня за руку и сказал, что хочет показать мне кое-что. Он пояснил, что я должен посмотреть на солнце, полуприкрыв глаза, и тогда я увижу солнечный фаллос. При этом, если качать головой из стороны в сторону, солнечный фаллос также будет покачиваться, порождая ветер.

Это наблюдение датировано в моих записях 1906 годом. А в 1910 году, когда я был погружен в исследование мифологии, мне попала книга Дитриха, составляющая часть так называемого магического папируса и задуманная автором как литургия культа Митры (Albrecht Dieterich, *Eine Mithrasliturgie*. London, 1903.). В книгу вошли различные наставления, заклинания и видения. Одно из видений было описано следующим образом: "Из чего-то вроде трубки происходит служащий ветер. И ты узри, что от солнечного диска спускается вниз нечто, похожее на трубку. И в сторону западных областей будто дует бесконечный восточный ветер. Если же возобладает другой ветер, в сторону восточных областей, то узришь подобное видение, сменяющееся в ту сторону". По-гречески "трубка" будет аулос, что означает "инструмент ветра", сочетание же аулос пахус у Гомера означает "толстая струя крови". Таким образом, поток ветра очевидно выходит через трубку из солнца.

Видение моего пациента в 1906 г. и греческий текст, впервые изданный в 1910 г., достаточно далеко отстоят друг от друга, чтобы исключить возможность криптомнезии с его стороны или чтение мыслей, с моей. Очевидное сходство двух видений невозможно отрицать, хотя кто-нибудь мог бы возразить, что это случайность. В этом случае следовало бы полагать, что видение не имеет связи с аналогичными образами или какого-то самостоятельного значения. Но это не так, ибо в некоторых средневековых картинах мы встречаем такую же трубку, свисающую с небес наподобие шланга, нижняя часть которого теряется в одеяниях Девы Марии. Через нее вниз слетает Святой Дух в облике голубя, чтобы оплодотворить Деву. Как нам известно из чуда сошествия Святого Духа на апостолов, Дух Святой первоначально воспринимался как могучий, сильный ветер, пнеума, "ветер, дующий там, где захочет". В латинском тексте читаем: "Animo descensus per orbem solis tribuitur" (Говорят, что дух спускается с солнечного диска). Это представление характерно для всей позднеклассической и средневековой философии.

Таким образом, я вижу в этих видениях отнюдь не случайность, а возрождение идей, потенциально существовавших от века, которые можно встретить повсюду и в самые разные эпохи, — следовательно, идей унаследованных. Ошибиться здесь невозможно!

Юнг К.-Г.